ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1896.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.

Калмыцкія сказки.

VIII.

ᠬᠣᠯᠣᠪᠠᠷ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ ᠬᠣᠯᠣᠪᠠᠷᠢᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ ᠬᠣᠯᠣᠪᠠᠷᠢᠨ ᠳᠤᠷᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ ᠬᠣᠯᠣᠪᠠᠷᠢᠨ ᠬᠣᠢᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ ᠬᠣᠯᠣᠪᠠᠷᠢᠨ ᠬᠣᠢᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠄᠄ ᠬᠣᠯᠣᠪᠠᠷᠢᠨ ᠬᠣᠭᠣᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠭᠤᠳ ᠪᠤᠶᠤ᠃᠃ ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠭᠤᠳ ᠨᠢ ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠭᠤᠳ᠃᠃

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠴᠢᠨ ᠳᠤᠷᠠᠳᠴᠢᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠠᠷᠪᠠᠨ ᠳᠥᠴᠢᠨ ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠳᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠ᠃᠃

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠷᠠᠳᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠂

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤᠨᠳᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨᠠ᠂

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠴᠠᠭᠠᠨ ᠳᠤᠴᠢᠶᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠠᠪᠤᠯᠠᠭᠴᠢᠳ ᠪᠣᠯᠤᠭᠳᠠᠵᠤ ᠪᠤᠢ᠂ ᠬᠣᠭᠣᠷᠣᠨᠳᠤ ᠪᠤᠶᠠᠨᠳᠠᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠨ᠂

ᠬᠣᠭᠣᠷᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠳᠥᠷᠪᠡᠨ ᠳᠠᠭᠤᠴᠢᠨᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠨᠢᠭᠡᠨᠳᠦᠭᠡᠷ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ

ᠬᠣᠯᠣᠨᠳᠤ ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠭᠠᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠪᠠᠴᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠣᠯᠤᠨ᠂ ᠬᠣᠭᠣᠷᠴᠣᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠭᠰᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠠᠷᠪᠠᠨ ᠳᠥ᠒ᠠᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠲᠤᠮᠣᠨᠤᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠪᠤᠶᠠᠨᠳᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠭᠰᠠᠨ ᠳᠤᠷᠤᠨ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤ ᠪᠣᠯᠤᠨ ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠭᠰᠠᠨ

IX.

X.

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ ᠳᠤᠮᠳᠠᠳᠤᠨᠳᠠᠨᠠᠭᠠᠴᠠᠭᠠ

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ᠂

ᠬᠣᠯᠪᠣᠭᠳᠠᠯ᠂

Калмыцкія сказки.

VIII.

Сказка про Ö-зàнданъ нойòна и супругу его бѣлую лебедь.

Когда-то, встарину, жили были два хāна: одинъ—по имени Табỳ-дабтакчѝ хāнъ (=больше пяти), а другой—по имени Долō-дабтакчѝ (=больше семи). У Табỳ-дабтакчѝ хāна горы были высокія и воды были глубокія; у Долō-дабтакчѝ хāна горы были низкія и воды были мелкія. Въ царствѣ Табỳ дабтакчѝ хāна бываетъ и смерть, и погибель; въ царствѣ Долō-дабтакчѝ хāна нѣтъ ни смерти, ни погибели. Думаетъ Табỳ-дабтакчѝ хāнъ: отчего въ царствѣ этого хāна нѣтъ ни смерти, ни погибели? вытребовалъ изъ числа своихъ подданныхъ десять знахарей и предсказателей и приказалъ имъ погадать. По гаданью своему всѣ десять знахарей одинаково сказали: «у этого хāна — горы низкія и воды мелкія, а наши горы высокія и воды наши глубокія. Въ водахъ царства этого хāна проживаетъ черный съ лысиною жеребецъ водяного царя, поэтому и царство его пользуется довольствомъ». Говоритъ тогда хāнъ: «Ну, какимъ же способомъ перемѣстимъ мы теперь этого чернаго съ лысиною жеребца въ свои воды?» — «Соберите», отвѣчаютъ въ одинъ голосъ знахари, «десять злобныхъ волшебниковъ и если они произнесутъ злобныя заклинанія надъ тою водою, такъ черный съ лысиною жеребецъ водяного царя и самъ выйдетъ; тогда обротайте его золотою обротью и берите».

Въ ту пору, въ средѣ подданныхъ Долō-дабтакчѝ хāна жилъ былъ одинъ молодецъ охотникъ. Ходилъ онъ, охотясь въ необитаемой, сѣрой пустынѣ и вдругъ — стоитъ большая бѣлая юрта. Подошелъ молодецъ къ этой бѣлой юртѣ, прислонилъ снаружи, къ ея стѣнкѣ, свое ружье, вошелъ,

хочетъ пройти дальше, — сидитъ какой-то великій ламà-отшельникъ, развернувъ передъ собою священную книгу, въ обложкѣ. «Иди», говоритъ, «молодецъ! Табу̀-дабтакчѝ хāнъ приказалъ забрать чернаго съ лысиною жеребца водяного царя. Ступай сейчасъ-же; пока ты придешь, они не уйдутъ. Ступай и скажи: пустите назадъ, въ воду, нашего чернаго съ лысиною жеребца водяного царя; а если не пустите, я буду стрѣлять изъ ружья; если такъ скажешь, они отпустятъ». Молодецъ побѣжалъ по берегу воды, подбѣгаетъ, а чернаго съ лысиною жеребца водяного царя уже обротали золотою обротью и забрали. Прибѣжалъ молодецъ и говоритъ десяти злобнымъ заклинателямъ: «пустите назадъ, въ воду, нашего чернаго съ лысиною жеребца водяного царя; если не пустите, — я буду стрѣлять!» и, съ этими словами, онъ лизнулъ дуло своего ружья. При такой его (удостовѣренной клятвою рѣшимости), десять злобныхъ заклинателей испугались и пустили. Говоритъ тогда черный съ лысиною жеребецъ водяного царя молодцу: «приходи, молодецъ, къ намъ!» и, съ этими словами, ушелъ въ воду. Молодецъ побѣжалъ къ ламѣ, подбѣгаетъ, а ламà сидитъ передъ нимъ, развернувъ священную книгу, въ обложкѣ. Молодецъ сталъ разказывать: «какъ пришелъ я, чернаго съ лысиною жеребца водяного царя уже обротали золотою обротью и забрали; я сказалъ: пустите чернаго съ лысиною жеребца, если не пустите, — я буду стрѣлять изъ ружья; тогда они отпустили. Сказалъ мнѣ тогда черный съ лысиною жеребецъ: приходи къ намъ»! Отвѣчаетъ ему на это ламà: «Ну, ступай къ черному съ лысиною жеребцу водяного царя. Какъ пойдешь, онъ спроситъ тебя, что ты хочешь получить? Въ такомъ случаѣ проси дать драгоцѣнную яшмовую петлю; а потомъ, когда онъ дастъ, помолись тому черному съ лысиною жеребцу и выходи. На сѣверной сторонѣ той воды, въ которой живетъ водяной царь, будетъ находиться большая проѣзжая дорога, направляющаяся къ сѣверу. Какъ пойдешь ты по ней, встрѣтится тебѣ неглубокая дождевая лужа. На берегу ея свернешь ты свой арканъ, спрячешься въ зеленой травѣ и заляжешь. Въ ту пору прилетятъ три бѣлыхъ лебедя и, не спускаясь, будутъ парить надъ тобою. Ты тогда крикни: эй, три бѣлыхъ лебедя! Вамъ ли нужно погибнуть, или изсякнетъ моя неглубокая дождевая лужа? При такомъ возгласѣ они спустятся. Какъ спустятся они, ты брось свою яшмовую драгоцѣнную петлю, а что будетъ потомъ, вѣдаетъ твое счастіе». Такъ сказалъ ламà, а молодецъ спрашиваетъ у него: «какимъ же способомъ увижусь я съ этимъ водянымъ царемъ?» Отвѣчалъ ламà: «водяной царь выходитъ изъ воды подъ многоразличными видами: выходитъ и червякомъ, и лягушкою; что-бы тамъ ни было,—все хватай!» Молодецъ пошелъ. Ходилъ онъ цѣлыхъ семь сутокъ вокругъ моря водяного царя и вотъ ползетъ по водяной закраинѣ желто-

головая змѣя. Тихонько придавилъ онъ эту змѣю за загривокъ, а она: «что это», говоритъ, «за зловонная штука прикоснулась ко мнѣ?» — Говоритъ тогда молодецъ: «знаешь ли ты, что можетъ отпускать человѣкъ, который тебя держитъ?» — «Эгэ», говоритъ змѣя, «да это ты, мой пріятель — молодецъ! Ну, иди сюда!» велѣла ему держаться за хвостъ и поползла въ воду. Идутъ они; встрѣчаются имъ и рыбы, встрѣчаются и червячки, и лягушки,— вдругъ приходятъ въ юрту. Устроили такимъ манеромъ пиръ и ликованье, а засимъ подошло пиру кончаться, а молодцу возвращаться. Спрашиваетъ молодецъ у водяного царя яшмовую драгоцѣнную петлю, — «возьми» говоритъ. «Какъ окончу я свои дѣла», сказалъ при этомъ молодецъ, «я брошу ее къ тебѣ обратно»! Засимъ вышелъ онъ тою же старой дорогой и бѣжитъ; по дорогѣ попался ему небольшой фруктовый садъ. Идетъ онъ тѣмъ же порядкомъ дальше, встрѣчается небольшая дождевая лужа. Спрятался онъ въ зеленой травѣ на берегу ея, лежитъ. Въ это время прилетаютъ три бѣлыхъ лебедя и, неспускаясь на землю, рѣютъ надъ нимъ въ воздухѣ. Закричалъ тогда молодецъ: «изсякнетъ ли моя неглубокая дождевая лужа, или погибнете вы, три лебедя?!» При такомъ его возгласѣ три лебедя спустились. Бросилъ онъ свою яшмовую петлю на сидѣвшую среди трехъ бѣлыхъ лебедей дѣвушку — бѣлую лебедь, и петля попала на среднюю дѣвушку — бѣлую лебедь. Подошелъ онъ, взялъ ее, одѣлъ ей на голову золотую шапочку для прикрытія глазъ, посадилъ на плечи и, вышедши на прежнюю дорогу, шелъ 14 сутокъ.

Тою порою жилъ былъ нойòнъ (князь), по имени Ö-зàнданъ, у котораго была буланая лошадь, величиною съ гору. Встрѣчается этотъ нойòнъ по дорогѣ съ молодцемъ и говоритъ: «продаешь, молодецъ, свою птицу?» — «Продаю», говоритъ. — «За сколько продаешь?» говоритъ. — «Вы и сами знаете цѣну птицы; сами говорите и берите!» отвѣчаетъ онъ. А птица эта была младшей дочерью Хормусты-тэнгрія. Говоритъ нойòнъ: «дамъ тебѣ много и скота, и серебра».—«За скотъ и серебро не продамъ», говоритъ,— «сами знаете цѣну птицы; сами говорите и берите!» — Говоритъ тогда нойòнъ: «я отдѣлю часть своихъ подданныхъ, дамъ ихъ тебѣ податными и поставлю тебя зайсàномъ». — «Вы сами знаете цѣну птицы», повторяетъ молодецъ, «сами говорите и берите!»—«Я поставлю тебя ламòю!» сказалъ на это нойòнъ и молодецъ согласился. Нойòнъ взялъ птицу и поѣхалъ обратно, а молодецъ пришелъ въ хурýлъ (=монастырь) и сдѣлался мàньчжи (=послушникомъ). Когда нойòнъ снялъ золотой вѣнчикъ у прежней птицы, то птица превратилась въ младшую дочь Хормусты-тэнгрія; нойòнъ взялъ ее въ жены и имя ея было Манагàръ. Прежній мàньчжи сдѣлался гэцýлэмъ, потомъ сталъ

гэлўнгомъ, послѣ того—бакшѐю и засимъ, сдѣлавшись ламдю[1]), въ теченіе нѣкотораго времени наслаждался полнымъ спокойствіемъ.

Тою порою приходитъ вѣсть, что на Ö-зàнданъ нойòна, къ границамъ его кочевьевъ, пришелъ непріятель. По такой причинѣ приказалъ онъ осѣдлать буланку, величиною съ гору, и двинулся въ походъ. Три дня подрядъ, со словами: «здорова-ли ты Манагàръ», онъ выѣзжалъ и со словами: «здорова-ли ты Манагàръ», возвращался и оставался; потомъ, уже на четвертый день, выѣхалъ и отправился. Говорятъ ему въ слѣдъ его подданные: «ну, какъ же теперь этакій нойòнъ, — нойòнъ, который не двинулся даже въ ту пору, когда врагъ завладѣлъ границами кочевьевъ, — можетъ приносить намъ пользу?» Впрямь, когда оставался онъ намъ нойòномъ въ бытность этой Манагàръ, — спокойствія не было. Ее и дворецъ ея..... навалимъ углей снаружи, да и раздуемъ въ пятьсотъ мѣховъ!»—

Отправляясь въ походъ, Ö-зàнданъ нойòнъ отдалъ золотой вѣнецъ Манагàры своей матери и сказалъ: «если приключится бѣда моей Манагàръ, — пожалуйста, отдайте ей, а не будетъ бѣды, — пожалуйста, берегите». Потомъ, какъ задули въ пятьсотъ мѣховъ, да запалили съ четырехъ угловъ деревяннаго дворца, — Манагàръ закричала: «эй, матушка! Развѣ не говорилъ тебѣ твой Ö-зàнданъ нойòнъ, что, если приключится дѣло, смертельное для моей Манагàръ, пожалуйста,—отдайте, а будетъ не смертельное дѣло, пожалуйста, берегите! Теперь развѣ это не смертельное?! Какъ мнѣ быть?!» Мать Ö-зàнданъ нойòна бросила и говоритъ: «вотъ она, бери!» Манагàръ, надѣвши свою золотую шапочку, вылетѣла черезъ дымовую трубу дворца и, прилетѣвъ къ дверямъ великаго отшельника ламы̆, говоритъ ему: «ну, лама̀, я не могу жить въ этихъ мѣстахъ. Теперь, когда пріѣдетъ Ö-зàнданъ нойòнъ, онъ скажетъ вамъ: «она непремѣнно должна была дать какую нибудь вещь; тогда отдайте ему вотъ это». Съ этими словами она подала золотой перстень. «Онъ будетъ говорить далѣе, что вообще человѣкъ, который отдалъ это, долженъ дать и еще нѣчто; тогда отдайте ему вотъ это». Такъ говоря, она подала яшмовый платокъ. «Онъ скажетъ еще, что человѣкъ, который далъ эти двѣ вещи, долженъ сказать еще и кое-что устно; въ такомъ случаѣ передайте ему, что вѣроятно онъ пожелаетъ гнаться вслѣдъ за мною; но если онъ погонится, то дойти

---

1) Всѣ эти слова суть поименованія различныхъ степеней и должностей въ калмыцкихъ ламайскихъ монастыряхъ. Мàньчжи — самая низшая степень посвященія, соотвѣтствующая, пожалуй, въ нашихъ монастыряхъ рясофорному послушнику; гэцўль — вторая степень посвященія; гэлўнгъ — третья и высшая степень; бакшà — наименованіе уже должности — настоятеля отдѣльнаго монастыря, или хурулà, а лама — это начальникъ всѣхъ хурулòвъ, существующихъ въ извѣстномъ владѣніи.

до меня невозможно. По дорогѣ — враги великіе. Если у него даже будутъ средства, не пускайте его вслѣдъ за мною. Если же онъ непремѣнно пожелаетъ идти, то когда двинется отсюда и пойдетъ, придутъ къ нему двѣ бабы-яги и скажутъ: «намъ нужны человѣческія сухожилія, намъ нужны щенячьи сухожилія». Для этихъ двухъ старухъ нужны двѣ связки сухожилій. Потомъ, подальше за ними, прибѣгутъ два совершенно голые мальчика, держащіе въ рукахъ маленькіе ножи и скажутъ, одинъ: «намъ нужны человѣческіе альчики»; другой — «намъ нужны щенячьи альчики». Для этихъ двухъ мальчиковъ нужны два рода альчиковъ. Подальше за ними явится громадный, небесный, черный верблюдъ-самецъ: нижніе клыки его бороздятъ небо, а верхніе клыки бороздятъ землю; пройти мимо него для человѣка совершенно невозможно. Если минуешь его, то дальше будетъ небесный сѣрый быкъ; пройти мимо него человѣку также совершенно невозможно. Послѣ того какъ пройдешь его, дальше будетъ море, называемое ядовитымъ желтымъ моремъ; нельзя его обойти кругомъ, нельзя черезъ него и переправиться: оно кипитъ ядовитыми соками; пройти черезъ него для человѣка невозможно. Если, по милости неба и будды, пройдетъ онъ черезъ него, то дальнѣйшее вѣдаетъ уже его счастье». Такъ сказавъ ламѣ, Манагàръ улетѣла кверху.

Послѣ того, когда Ö-зàнданъ нойòнъ съ своею лошадью, величиною съ гору, возвращаясь назадъ, прибылъ на границы кочевья своихъ подданныхъ, онъ спросилъ: «дома ли Манагàръ?» — «Былъ слухъ, что Манагàръ улетѣла», отвѣчали ему. Ö-зàнданъ перерубилъ сказавшихъ ему это, и такъ, ѣдучи до дому, перерубилъ пятьсотъ человѣкъ; а какъ подъѣхалъ онъ къ своему дому, отъ дворца его нѣтъ и слѣда. «Эй, матушка, что сдѣлалось съ моею Манагàръ?» — спросилъ онъ. Говоритъ ему его мать: «твои собственныя рѣчи были: коли случится смертельное для нея дѣло, — пожалуйста, отдайте, а не случится смертельнаго дѣла, — пожалуйста, берегите; поэтому когда приключилось дѣло, смертельное для ея жизни, я отдала.» — «Какимъ же образомъ сожгли этотъ дворецъ?» спросилъ онъ. А мать его говоритъ: «пятьсотъ человѣкъ, съ пятьюстами мѣховъ, насыпали углей съ наружной стороны твоего дворца и пятьсотъ человѣкъ, раздувая мѣхами, запалили». Ö-зàнданъ нойòнъ приказалъ привести 500 человѣкъ, которые сожгли его дворецъ, отрубилъ имъ головы и сжегъ ихъ. — «Ну, матушка», сказалъ онъ, «вѣроятно, Манагàръ говорила вамъ что нибудь?» — «Нѣтъ» отвѣчала мать, «мнѣ она не говорила ровно ничего; если говорила, то сказала, можетъ быть, великому ламѣ-отшельнику». — Тогда нойòнъ сѣлъ на своего буланку, величиною съ гору, и пріѣхалъ къ своему ламѣ. Вынувъ изъ кармана кусокъ ланнаго, желтаго золота, величиною въ ступню двухлѣтняго верблюженка,

и положивъ его на восьминожный, изъ сандальнаго дерева съ золотомъ столъ, нойòнъ сдѣлалъ три поклона, принялъ благословеніе отъ руки ламы и, стоя на колѣнахъ, спросилъ у него: «можетъ быть Манагàръ дала вамъ что нибудь для передачи мнѣ?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ ламà, «она мнѣ рѣшительно ничего не давала». Такимъ образомъ нойòнъ спрашивалъ со слезами въ теченіе семи дней и, въ концѣ концовъ, оставаясь безъ пищи, дошелъ до смерти. Тогда ламà вынулъ и отдалъ ему золотой перстень, сказавъ: «она заказала мнѣ отдать тебѣ вотъ это». Ö-зàнданъ нойòнъ, воспрянувъ духомъ, опять въ теченіе семи сутокъ плакалъ и говорилъ: «человѣкъ, который далъ это, непремѣнно далъ и еще что нибудь»; тогда ламà отдалъ ему яшмовый платокъ, говоря: «она дала мнѣ это для передачи тебѣ». Нойòнъ опять спрашиваетъ: «человѣкъ, который далъ эти двѣ вещи долженъ сказать и нѣчто хорошее устно». Ламà отвѣчалъ: «она говорила, чтобы ты не ходилъ вслѣдъ за нею. Вообще, говоритъ, по дорогѣ — враги великіе. Если захочешь ты идти, то когда пойдешь отсюда, прибѣгутъ, говоритъ, двѣ бабы-яги; прибѣгутъ и скажутъ: намъ нужны человѣческія сухожилія, намъ нужны щенячьи сухожилія; для нихъ необходимы двѣ связки сухожилій. Дальше за ними прибѣгутъ два совершенно голые мальчика, прибѣгутъ и скажутъ: намъ нужны человѣческіе альчики, намъ нужны щенячьи альчики; для нихъ, сказала она, необходимы двухъ родовъ альчики. Дальше явится небесный, черный верблюдъ-самецъ; пройти мимо него для человѣка совершенно невозможно. Когда минуешь его, то дальше явится небесный, сѣрый быкъ. Пройти мимо него для человѣка трудно. Когда минуешь его, то дальше будетъ море, называемое ядовитымъ желтымъ моремъ; во вѣки вѣчные кипитъ оно ядовитыми соками. Пройти мимо него для человѣка необычайно трудно. Если пройдешь его, то дальнѣйшее вѣдаетъ твой геній хранитель; такъ говорила Манагàръ!» сказалъ ламà Ö-зàнданъ нойòну.

Послѣ того Ö-зàнданъ нойòнъ взялъ съ собою двѣ связки сухожилій, положилъ въ карманъ два рода альчиковъ и, сѣвъ на своего буланку, величиною съ гору, выѣхалъ и отправился. Ѣдетъ онъ и видитъ, что приближаются къ нему двѣ помянутыя бабы-яги. Вытащилъ онъ изъ кармана двѣ связки сухожилій, бросилъ имъ и закричалъ: «эй, старушки-матушки, не мѣшайте моему дѣлу и моему пути!» — «О маленькій братецъ, совершившій намъ свое подаяніе, не утомляя нашихъ рукъ и не притупляя нашихъ ножей!» закричали въ отвѣтъ на то обѣ старухи,» поворотивъ свои золотыя поводья и направивъ прямо сюда свою лошадь, исполнивъ безъ замедленія задуманныя тобою дѣла, возвращайся назадъ въ мирѣ и спокойствіи»!

Послѣ сего, выступивъ дальше, ѣдетъ нойòнъ и видитъ, что бѣгутъ два совершенно голые мальчика. Вытащилъ онъ изъ кармана двухъ родовъ

альчики и, когда оба мальчика подбѣжали близко, бросилъ имъ альчики, съ словами: «маленькіе братцы, не мѣшайте моему дѣлу и моему пути!» — «Старѣйшій нойòнъ, дядюшка», отвѣчали они, «исполнивъ безпрепятственно свои задуманныя намѣренія, пріѣзжайте въ мирѣ и спокойствіи, поворотивъ свои золотыя поводья».

Отсюда ѣдетъ онъ дальше и видитъ, что приближается къ нему бѣгомъ и скрежеща зубами небесный, черный верблюдъ-самецъ: нижніе клыки его бороздятъ небо, а верхніе клыки бороздятъ землю. Нойòнъ слѣзъ съ лошади, держитъ ее за браслетосеребряный чунбуръ, и, вскинувъ на плечо плеть крѣпкую, какъ зубы верблюда, стоитъ. Въ это время подбѣжалъ верблюдъ. Ударилъ онъ его по головѣ, повалилъ, зажалъ его голову между своими ногами и началъ стегать его по обѣимъ почкамъ, по очереди. «Пусти меня теперь», сказалъ верблюдъ, «и, выполнивъ свои задуманныя намѣренія, подъ покровительствомъ хранительнаго будды, поворачивай свои золотыя поводья и возвращайся назадъ въ мирѣ и спокойствіи».

Отпустивъ верблюда, пошелъ онъ дальше и вотъ бѣжитъ большой, сѣрый быкъ. Какъ только хотѣлъ онъ боднуть, нойòнъ летомъ соскочилъ съ лошади, ударилъ его по головѣ своею плетью и быкъ повалился. Зажалъ нойòнъ его голову между своими ногами, колотилъ, колотилъ по обѣимъ сторонамъ позвонковъ и бросилъ. «Поворотивъ свои золотыя поводья, возвращайся назадъ въ мирѣ и спокойствіи!» сказалъ быкъ.

Выступивъ отсюда дальше, идетъ онъ и вотъ является великое, бѣлое море, во вѣки вѣчные клокочущее ядовитыми соками. Думаетъ про себя нойòнъ: «какъ же теперь обойду я вокругъ него? Обходя это море, я измучаюсь. Ну-ка, чѣмъ терпѣть мученье, обходя вокругъ, не закипитъ ли, на мое счастье, это клокочущее ядовитыми соками море спасительными водами цѣлебнаго источника?! — Влѣзу и умру»! Съ этими словами онъ влѣзъ (въ море). Клокотавшее ядовитыми соками море закипѣло спасительною влагою цѣлебнаго источника. Потомъ, переправившись черезъ него, нойòнъ ѣдетъ и пріѣзжаетъ къ одному золотому колодцу, съ золотымъ журавлемъ и съ золотою бадьею. Снялъ онъ сѣдло съ своей лошади, напоилъ ее, пустилъ и, устроивъ изъ сѣдла постель, легъ.

Тою порою какая-то дѣвушка, съ кувшиномъ въ рукахъ, подошла къ краямъ колодца и сѣла. «Ты что за дѣвица?» спрашиваетъ ее молодой человѣкъ. На это дѣвица сказала: «Дочь Хормустѐ тэнгрія уходила въ нижнія царства и недавно возвратилась; а я пришла сюда, чтобы взять воды, — умыть ее». «Ну», говоритъ, «я достану нужную тебѣ воду»; и, черпая воду, опустилъ въ кувшинъ давишній золотой перстень. Спрашиваетъ потомъ нойòнъ: «а знаешь ты, дѣвушка, какъ обыкновенно льютъ

воду на руки благороднымъ людямъ?» — «Нѣтъ», говоритъ дѣвушка, «не знаю; а вы, старѣйшій нойòнъ, дядюшка, научите меня».—Говоритъ тогда нойòнъ: «человѣкъ, который льетъ воду на руки благороднаго, долженъ лить изъ тоненькаго носка, потихонечку; а когда скажутъ: лей, не жалѣй, такъ бултыхнетъ на руки сильно, изо всего большаго горла». Дѣвушка взяла воду и воротилась, а нойòнъ остался.

Дѣвушка, отнесши воду, лила ее потихонечку на руки дочери Хормусты тэнгрія. Говоритъ ей дочь: «лей, не скупись!» и тогда она бултыхнула изъ большаго горла кувшина. Золотой перстень упалъ въ горсть, на руки дочери. Дочь, узнавши перстень, говоритъ: «ты, дѣвушка, кажется, встрѣтилась съ мужчиною?» — «Нѣтъ», говоритъ. — «Нѣтъ, ты непремѣнно встрѣчалась съ мужчиною», опять спрашиваетъ ее дочь тэнгрія. Дѣвушка отвѣчала: «у колодца былъ какой то молодецъ, съ лошадью; онъ устроилъ себѣ изъ сѣдла постель и лежалъ». — «Ступай, приведи его съ собою!» сказала она и послала дѣвушку назадъ. Та привела. «Ну», говоритъ дочь Хормусты тэнгрія, «въ настоящую минуту батюшка мой разгнѣванъ; если онъ увидитъ васъ, то разсердится!» и спрятала его.

На другой день послѣ того дочь Хормусты тэнгрія пошла и, посмотрѣвши на отца черезъ отверстіе, образуемое войлоками между стѣною и крышею юрты, говоритъ ему: «батюшка, батюшка, ночью мнѣ приснилось во снѣ, что идетъ и подходитъ сюда мой женихъ, который былъ у меня въ нижнемъ царствѣ!» — «Если онъ придетъ», сказалъ отецъ, «такъ я его вотъ этакъ выброшу» и съ этими словамъ онъ, ударивъ пальцемъ находившійся сбоку у него черный камень, величиною съ быка, разбилъ его на двое.

На слѣдующій день дочь приходитъ опять и, посмотрѣвши на отца черезъ отверстіе, образуемое войлоками между стѣною и крышею юрты, говоритъ: «батюшка, батюшка, мой женихъ, который былъ у меня въ нижнемъ царствѣ, идетъ и подходитъ сюда!» — «Пришелъ?» спрашиваетъ хāнъ у дочери. «Пришелъ!» отвѣчаетъ дочь. — «Гдѣ онъ? Посылай его сюда!» говоритъ хāнъ дочери. Дочь приходитъ назадъ и говоритъ: «ступайте нойòнъ; подойдете, — посмотрите черезъ отверстіе, образуемое войлоками между стѣною и крышею юрты. Какъ увидитъ онъ васъ и испуститъ ужасный крикъ, вы не пугайтесь. Онъ скажетъ: «вырви изъ своихъ волосъ одинъ волосокъ и раздроби этимъ волоскомъ камень, величиною съ быка. Помимо моего волоса никакой другой волосъ осилить этого камня не можетъ». Съ этими словами, она разорвала на двѣ части одинъ изъ своихъ волосковъ и дала нойòну такую половину своего волоса. Нойòнъ пришелъ и какъ посмотрѣлъ на хāна черезъ отверстіе, образуемое войлоками между стѣною и крышею юрты, хāнъ закричалъ голосомъ семидесяти драконовъ. Нойòнъ на это испус-

тилъ крикъ ста пятидесяти драконовъ. «Замолчи, молодецъ», закричалъ тогда хāнъ и засимъ сказалъ «ну, если ты пришелъ теперь чтобы взять мою дочь, то вырви изъ головы одинъ волосокъ и разбей имъ камень, величиною съ быка; это будетъ одинъ закладъ». Нойòнъ ударилъ давишнею половиною волоса, которую вырвала изъ своей головы дѣвушка, и разбилъ камень на двѣ равныя части. Хāнъ думаетъ: это волосъ моей дочери и приказалъ считать ея волоса. Волоса у дочери оказались всѣ. «Еще одинъ закладъ!» говоритъ хāнъ нойòну. «Въ этомъ великомъ бѣломъ морѣ живетъ рыба, именуемая китъ; у этой рыбы клыки, величиною съ быка; принеси эти клыки и воткни ихъ между моими воротами; тогда возьмешь мою дочь».—Говоритъ дѣвушкѣ Ö-зàнданъ нойòнъ: «ну, какъ же теперь мнѣ достать ихъ?» — Научаетъ нойòна дѣвушка: «ну, въ этомъ дѣлѣ потребуется сила и ваша собственная и вашей боевой лошади. Къ хвосту своей лошади привяжите 500 рогожныхъ мѣшковъ угля; ступайте въ воду и крикните: рыба-китъ, ты здѣсь?! Три раза будетъ эта рыба бросаться на 500 рогожныхъ мѣшковъ съ углемъ; потомъ силы у нея изнемогутъ и она упадетъ. Если упадетъ она внѣ воды, будетъ твой закладъ; а упадетъ въ воду, будетъ его закладъ». Взялъ нойòнъ 500 рогожныхъ мѣшковъ угля и выѣхалъ, а около него поѣхали 500 ханскихъ и княжескихъ сыновей. Пріѣхавъ, нойòнъ сталъ въ водѣ, привязалъ за хвостъ своей лошади 500 рогожныхъ мѣшковъ угля и трижды крикнулъ: «рыба-китъ, ты здѣсь?!» Рыба-китъ выплыла. Трижды бросалась она на 500 рогожныхъ мѣшковъ угля, схватывала и бросала. Увидавъ, что верхняя часть рыбы находится наружи, а задняя часть плаваетъ, покачиваясь на водѣ, нойòнъ летомъ соскочилъ съ лошади, зажалъ между ногъ ея голову и какъ рванулъ ея клыки, то изъ корней клыковъ выступилъ мутновато красный гной. Вмѣстѣ съ 500 человѣкъ составивъ всего 501 человѣкъ, возвращался онъ назадъ и, будучи въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ безъ сна и пищи, легъ нойòнъ, съ намѣреніемъ заснуть. На томъ мѣстѣ гдѣ легъ, тамъ и заснулъ. Одинъ изъ числа 500 человѣкъ взялъ эти клыки, а помимо того разбилъ дно у большой бочки, положилъ нойòна въ бочку, снова задѣлалъ дно и, прикрѣпивъ эту бочку къ рогу рыбы, называемой единорогомъ, пустилъ ее. Самъ онъ воткнулъ клыки рыбы-кита между воротами дворца, сказавъ хāну, что они лично имъ принесены.

Буланая лошадь Ö-зàнданъ нойòна, свѣсивъ свой браслетосеребряный чунбуръ, прибѣжала ко дворцу дочери Хормусты тэнгрія и начала тереться шеей о стѣну. Ханская дочь послала посмотрѣть, что это за лошадь и ей доложили, что это буланка, величиною съ гору. «Ну», говоритъ ханская дочь, «непремѣнно они учинили теперь какую нибудь проказу надъ

этимъ нойòномъ» и, съ этими словами, она послала свою дѣвушку служанку съ такимъ приказомъ: «ступай, принеси золотой перстень золотого хāна, мѣдный перстень мѣднаго хāна и желѣзный перстень желѣзнаго хāна». Дѣвушка-служанка сѣла верхомъ на буланку, отправилась и привезла три перстня. Ханская дочь взяла черный арканъ своего батюшки, сама сѣла на сѣдло, позади себя посадила на ту же лошадь дѣвушку-служанку и поѣхала въ направленіи къ морю. Подъѣхавъ къ водѣ, она дала петлю дѣвушкѣ-служанкѣ, а сама собрала всѣхъ рыбъ. По близости отъ дѣвушки, снабженной петлею, выплыло чудище, именуемое водянымъ единорогомъ. Она бросила золотую петлю, мѣтя прямо на седьмой шейный позвонокъ, но петля едва попала на средину шеи; тогда она потащила. Ханская дочь слѣзла съ лошади и также начала тянуть. Какъ начали тянуть вдвоемъ, веревка готова была оборваться. Ханская дочь бросила золотой перстень золотого хāна и тогда веревка утолстилась. Опять начали тянуть и веревка опять вытянулась и утончилась, а ханская дочь снова бросила мѣдный перстень мѣднаго хāна. Опять веревка прежнимъ образомъ утолстилась. Когда еще стали тянуть и веревка опять готова была порваться, тогда ханская дочь бросила желѣзный перстень желѣзнаго хāна; веревка утолстилась, а водяной единорогъ затянулся и упалъ. Подошедши, дѣвушка придавила водяного единорога и стала сбивать прикрѣпленную къ его рогу бочку съ этого рога, но у нея не хватало силы; тогда прискакала буланка, величиною съ гору, и, лягнувши, свалила бочку. Обѣ дѣвушки стали колотить по дну бочки и когда разбили его, Ö-зàнданъ нойòнъ потянулся и всталъ, говоря: «ухъ, какъ долго я спалъ!» Спрашиваетъ его тогда ханская дочь: «гдѣ же ваши клыки, которые вы поѣхали доставать?» — «Я досталъ клыки», отвѣчалъ нойòнъ, «поѣхалъ назадъ, да по дорогѣ заснулъ; около меня было 500 человѣкъ, а дальнѣйшаго не знаю». — «500 человѣкъ», сказала дѣвушка, «доложили хāну, будто они сами принесли клыки; если же дѣйствительно клыки эти достали вы сами, то скорѣе ступайте, начинайте судиться». Ö-зàнданъ нойòнъ сѣлъ на своего буланку, величиною съ гору, и, выѣхавъ, сталъ погонять. Подъѣзжаетъ, а 500 человѣкъ докладываютъ передъ нимъ, якобы они принесли сами. Хāнъ спрашиваетъ: «что же это значитъ, что ты этакъ долго?» — «Я», отвѣчалъ нойòнъ, «досталъ клыки и поѣхалъ сюда, а когда мнѣ захотѣлось спать, я легъ и тамъ заснулъ; около меня ѣхали эти 500 человѣкъ; вдругъ просыпаюсь и 500 человѣкъ этихъ нѣтъ, и клыковъ, бывшихъ у меня за пазухой, нѣтъ. То, что я самъ добылъ клыки — истинная правда». Спрашиваетъ хāнъ у 500 человѣкъ: «есть у васъ знакъ, при которомъ вы достали клыки?» — «Знака нѣтъ», отвѣчали они всѣ вмѣстѣ. «Ну, Ö-зàнданъ нойòнъ, когда ты доставалъ клыки, есть у тебя знакъ?» — «Есть»,

говоритъ. «Если говорятъ: неправда, что я досталъ, то на томъ мѣстѣ, гдѣ я поставилъ на колѣна водяного единорога, зажавъ его голову между своими ногами, остался слѣдъ его колѣнъ; а когда я вытащилъ его клыки, то изъ корня клыковъ вылился гной, мутноватаго цвѣта. Хāнъ послалъ трехъ своихъ верховныхъ сановниковъ, чтобы они посмотрѣли. Три сановника дошли (до мѣста побоища) и пришли назадъ. «Есть», говорятъ, «и слѣдъ колѣнъ, который явился, когда онъ поставилъ единорога на колѣна и придавилъ; вышелъ и мутноватаго цвѣта красный гной, когда вытащилъ онъ клыки».

Выгнавъ тѣхъ 500 человѣкъ, хāнъ устроилъ пиръ въ теченіе семью семь, сорока девяти сутокъ и выдалъ свою дочь за нойòна. Въ ночь предположили они прибыть въ низшее (земное) царство. Домашніе и родственники всѣ спали. По утру мать его увидала, что на сѣверной сторонѣ (отъ ея юрты) онъ построилъ себѣ желтопестрый дворецъ такой величины, что кверху не хватало столбовъ, а книзу не хватало лѣстницъ; по южной, передней сторонѣ этого дворца онъ расположилъ свой кюрѣ-хурỳлъ (=монастырь); на западной сторонѣ его посадилъ своихъ зайсанговъ; по восточной сторонѣ помѣстилъ своихъ богачей, а по сѣверной сторонѣ — своихъ придворныхъ прислужниковъ. Затѣмъ со всѣми своими благородными и худородными началъ онъ проживать въ мирѣ и спокойствіи.

IX.

Сказка про царевну гермафродита.

Когда-то, въ прежнія времена, жилъ-былъ великій хāнъ. Родилась у него дочь и была она гермафродитомъ. Когда эта дочь выросла и настало время выдавать ее замужъ, то мужчины такого же какъ она не находилось. Издаетъ тогда хāнъ повелѣніе, чтобы собрать всѣхъ подданныхъ простолюдиновъ и спросить: «есть-ли въ вашей средѣ мужчина-гермафродитъ?» Когда всѣ подданные собрались, между ними отыскался одинъ гермафродитъ мужчина. Хāнъ, чрезвычайно обрадовавшись, что нашелъ онъ для своей дочери мужчину, такого же какъ она, приказалъ готовить великій пиръ. А между тѣмъ спрашиваетъ великій хāнъ у своего нареченнаго зятя: «откуда и какимъ образомъ получилъ ты женскіе органы?» На такой вопросъ зять отвѣчаетъ: «шелъ я однажды дорогою и нашелъ ихъ лежащими на дорогѣ; приложилъ ихъ къ своему тѣлу, а они и пристали». Услыхалъ эти рѣчи одинъ человѣкъ, находившійся за юртою, и думаетъ: «если и я пощу по дорогѣ, такъ можетъ быть тоже найду; а если найду, то уже конечно я

буду въ состояніи взять ханскую дочку!» Тотчасъ отправился онъ искать и какъ увидалъ, что они лежатъ на дорогѣ, проникся нестерпимою радостью; началъ ихъ чествовать: «вы», говоритъ, «моя счастливая судьба!» Поклонился онъ имъ, а они и пристали у него къ головѣ. Оттого испыталъ онъ много стыда и страданія. Отсюда: никогда нельзя по своему желанію получить того счастія, которое будда опредѣлилъ другому.

X.

Сказка о двухъ Анандахъ.

Когда-то, въ древнія времена, въ государствѣ, называвшемся «всеисполняющееся желаніе», былъ хāнъ, по имени Хамугй гэйгӯлӯкчи [1]). Послѣ того какъ онъ умеръ, сѣлъ на ханскій престолъ сынъ его, по имени Хамугй тэткӯкчй [2]). И были въ его царствѣ живописецъ, звавшійся Анандà и плотникъ, звавшійся Анандà. Оба они были очень недоброжелательны другъ къ другу. Однажды отправляется живописецъ Анандà къ хāну и докладываетъ: «я только что возвратился изъ мѣстъ твоего батюшки. Батюшка твой возродился въ царствѣ тэнгріевъ (= небесныхъ духовъ) и когда онъ сказалъ мнѣ, чтобы я пришелъ, я, по его приказанію, и отправился. Невообразимыя тамъ могущество и величіе! А вотъ и письмо, которое прислалъ вамъ вашъ батюшка!» Съ этими словами онъ вынулъ письмо и поднесъ его хāну. Какъ посмотрѣлъ въ него хāнъ, (тамъ написано): «сообщаю моему сыну, Хамугй тэткӯкчй. Я оттуда, покончивъ свой вѣкъ, возродился въ царствѣ тэнгріевъ. Имущества и достатки мои въ настоящую пору хотя и отмѣнно хорошіе, тѣмъ не менѣе здѣсь необходимо построить мнѣ монастырь, а для сего не находится плотника; поэтому пошлите моего плотника, Анандӯ. О способѣ отправки его въ горняя знаетъ подробно живописецъ Анандà». Такое подложное письмо представилъ живописецъ ханскому сыну. Хāнъ посмотрѣлъ на письмо и думаетъ: коли мой батюшка такъ устроился, — очень хорошо; приказалъ позвать плотника и, когда тотъ пришелъ, сказалъ ему: «мой родитель находится въ царствѣ высшихъ тэнгріевъ и для постройки тамъ монастыря приказываетъ прислать тебя плотникомъ»; такъ говоря, хāнъ показалъ ему письмо. Думаетъ тогда плотникъ: «это дѣло — не такъ: живописецъ Анандà всегда былъ мнѣ зложелателемъ; устрою же я теперь ему ловкую штуку!» и говоритъ Хамугй тэткӯкчй-хāну: «какимъ же способомъ

1) Всѣхъ просвѣщающій.
2) Всѣхъ охраняющій.

и какъ отправиться въ царство тэнгріевъ?» — «Сейчасъ спросимъ», говоритъ, «у живописца Ананды». — Призвалъ его, спросилъ; живописецъ и говоритъ: «полейте на дрова кунжутнаго масла, посадите его въ середину, прикажите играть на музыкальныхъ инструментахъ и зажгите огонь; тогда онъ сядетъ на дымовую лошадь и отправляйте его». «Такъ и сдѣлаемъ!» говоритъ плотникъ Ананда; «когда нужно будетъ отправляться, то около моего дома есть раздѣланное подъ посѣвы мѣстечко, съ него я и отправлюсь». — «Ладно!» одобрилъ весь народъ и всѣ разошлись. Засимъ, пообѣщавъ отправиться черезъ семь сутокъ, возвратился плотникъ къ себѣ, домой и говоритъ своей женѣ: «живописецъ Ананда, по ненависти, вотъ что надумалъ; теперь я обѣщался черезъ семь сутокъ отправиться и для сего попробуемъ устроить нѣкоторую хитрость». Тотчасъ же прокопалъ онъ изъ подъ основанія своего дома до мѣста, раздѣланнаго подъ посѣвы, подземную яму, прикрылъ отверстіе ея каменною плитою, а сверху посыпалъ землею. По прошествіи семи сутокъ хāнъ издалъ приказъ: «нужно посылать плотника Ананду въ отцовское царство. Весь простой народъ, — принесите по охапкѣ дровъ и по стклянкѣ кунжутнаго масла». Когда всѣ пришли, то на плотничьей, раздѣланной подъ посѣвъ земелькѣ, навалили груду дровъ; положили въ средину ихъ плотника съ отправляемыми при немъ подарками; зажгли огонь и заиграли на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Когда огонь и дымъ усилились, плотникъ забралъ свои подарки и пошелъ по прежде прокопанной имъ подземной ямѣ къ себѣ, домой. Живописецъ былъ очень радъ, вытянулъ къ небу палецъ и говоритъ: «вотъ въ этомъ клубѣ дыма отправился плотникъ!» Засимъ разошлось великое собраніе и всѣ говорили между собою: «умеръ нынче плотникъ и ушелъ къ хāну, въ царство небесное!»

А плотникъ между тѣмъ просидѣлъ дома въ теченіе цѣлаго мѣсяца, каждый день и тѣло, и лицо свое мылъ молокомъ и все время сидѣлъ въ тѣни. Потомъ одѣлъ онъ изъ бѣлаго флера шелковое бѣлое платье, снова написалъ подложное письмо, пришелъ и поднесъ его Хамугй тэткўкчй хāну. «Здравіе, миръ и развитіе по законамъ священнаго ученія твоего царства, надѣюсь, успѣшны. Здѣсь вашъ плотникъ, который приходилъ для постройки кумирни, прекрасно исполнилъ свои плотничьи работы; вы тамъ порадуйте его и окажите ему побольше почестей. Теперь для этой кумирни нуженъ живописецъ, а потому поскорѣе посылайте оттуда живописца Ананду. Если устроите способъ отправки его въ горняя прежнимъ образомъ, будетъ совсѣмъ хорошо!» Хāнъ, увидавши плотника и письмо такого содержанія, «ахъ!» говоритъ, «ты ниспустился изъ царства тэнгріевъ?! Здоровъ ли тамъ мой царственный батюшка?!» А тотъ, поднося подложное письмо: «да», говоритъ, «доходилъ я до небеснаго царства!» и когда разсказалъ все въ подробнос-

тяхъ, ха̄нъ былъ очень радъ и щедро надавалъ ему милостей и проч. «Теперь», говоритъ ха̄нъ, «для той кумирни немедленно же нуженъ живописецъ; позвать живописца Ананду̀!»— Какъ только живописецъ пришелъ и увидалъ, что у плотника Ананды тѣло стало бѣлое, одѣтъ онъ въ бѣлое платье и увѣшанъ разными драгоцѣнностями, такъ и подумалъ: «что же это значитъ, онъ не умеръ, а пришелъ назадъ?!» Когда ха̄нъ показалъ ему письмо своего царственнаго родителя и выяснилъ обстоятельства относительно необходимости идти, живописецъ подумалъ: «теперь хотя пойду я и сомнительной дорогой, но, вѣроятно, дойду: я своими глазами видѣлъ, собственными руками положилъ и сжегъ въ огнѣ этого плотника; не идти теперь нѣтъ возможности; къ тому же это дорога, по которой раньше или позже нужно отправиться, а потому»..... Такъ подумавши, онъ обѣщалъ отправиться черезъ семь сутокъ. Спросили у него о способѣ отправки, — «прежнимъ способомъ», говоритъ. По прошествіи семи сутокъ весь народъ притащилъ дровъ и кунжутнаго масла, наложивъ ихъ громадною грудою среди разработаннаго подъ посѣвы мѣстечка; въ средину ихъ посадили живописца и сложили подарки и письма, отправляемыя къ ха̄ну. Когда со всѣхъ сторонъ зажгли огонь и загремѣла музыка, живописецъ, не будучи въ силахъ терпѣть, жалобно закричалъ и хотѣлъ выпрыгнуть наружу; но онъ былъ заглушаемъ звуками музыкальныхъ инструментовъ и сгорѣлъ.

А. Позднѣевъ.